рассказы

Людмила Пельгасова

Про кошек и борщ в префектуре Канагава

Одной гейше из префектуры Канагава постоянно попадались жутко истеричные самураи. В некоторых из них она даже умудрялась влюбиться по девичьему недомыслию. Полной дурой гейша не была; строго говоря, даже худощавого была телосложения. Юката серо-голубого шёлка так красиво на ней сидела, что никому и в голову не приходило задуматься, где её обладательница так ловко научилась работать вакидзаси. Гейша так прекрасно рисовала на рисовой бумаге, что никто не обращал внимания на её неумение играть на сямисэне. В конце концов писать хокку, заваривать чай и выслушивать самурайские истерики ей это совсем не мешало.

Однажды, отстирав юкату от скупых мужских слёз и обильных соплей, гейша задумалась: отчего в префектуре Канагава всё так странно устроено? Вроде бы и рыбки, кои высоко летают, и журавлики-тсуру резвятся в прозрачных ручьях, и иероглиф «мел» на заборе начертан хреном, а всё равно что-то да не так. А тут ещё Кадочников-сан со своими интуитивными воинскими искусствами... натурально гайдзин какой-нибудь, а от этих неотёсаных варваров вечно сплошные пакости, недоумение и потеря лица.

Отсюда было три выхода, один из которых, согласно принципу дао, являлся входом.

Можно было, во-первых, стать кошкой. Не глупой глиняной манеки-нэко с поднятой лапкой, а настоящей кошкой, и девять жизней подряд чесаться, ловить птиц когтями и спать на нагретой солнцем крыше. Птичка ли, рыбка ли – всё едино добыча, а иероглифов на заборе кошки не читают по причине неграмотности. И никаких тебе истеричных самураев... ну, хотя последних можно встретить на улице и подставить им для почёсывания пёструю спинку. Но девять жизней – это почти целый сектор Колеса Сансары, а тратить зря бесцельно прожитую жизнь не хотелось.

Также можно было записаться в камикадзе. Гейшу не пугала подобная участь – стать смертником, как известно, только в первый раз страшно, потом привыкаешь. Просто её мучили сомнения, сможет ли она, выросшая на сквозняке, отличить дуновение боже-

ственного ветра с гор Ямато от тяги винта пропеллера. А это в работе камикадзе самое главное. На самом деле этот вариант не был выбран потому, что, как выяснилось, последняя война закончилась шестьдесят пять лет назад, а возвращаться в прошлое, тем более чужое, гейше совершенно не хотелось.

Вы спросите меня, что было дальше. А ничего. Один из выходов, согласно принципу дао, является входом. В префектуре Канагава вторую неделю идут дожди, из-за сложных метеоусловий бесстрашные потомки камикадзе из местного аэроклуба грустно смотрят на небеса и рассеянно чешут забившихся под крыло мокрых трёхцветных кошек. Господин Хакамада всё так же не отстроил шок-сенсор на своем автомобиле, и авиамеханик Анна Ирамакава с присущей ей смекалкой ставит свою цвета топлёного молока старую «Тойоту» под боком начальственной тачки и экономит на автосигнализации. Она тоже потомок, хоть и не камикадзе, а советских дипломатов, высланных из Ниппона за шпионаж. Но её подругу Хикари-тян это совершенно не волнует. Самое главное умение – это умение созерцать прекрасное, и оно у них есть – иероглифы на заборе никогда не испортят девочкам жизнь: у Тацу Хикари от возни с электронными платами неважное зрение, а у Анны Ирамакавы от русских родителей генетическая невосприимчивость к надписям на заборе.

Молодые пилоты, которые, собственно, и подозреваются в начертании оных иероглифов, тоже делают вид, что их волнует только борщ, который варят в микроволновой печи Тацу и Ирамакава, а также сложные метеоусловия и промокшие кошки. Они даже наушники надевают и врубают на плейерах Гакта, изолируя себя от мирской суеты, от которой кошки изолированы в силу природы.

А гейша по-прежнему живёт в своём маленьком жёлтом домике с ветвями сакуры на обоях, спит в обнимку с трёхцветной кошкой, рисует манга-мемуары на заборах поверх скабрезных иероглифов и тоже слушает Гакта. Ну, ещё иногда поит чаем самураев. Естественно, молодых и истеричных. А то! «Вот помру, –думает, – кому ж вы в юкату плакаться будете?!» Наверное, эта гейша – всё-таки немного кошка. Жалко ей всех, добрая она.

Рис. автора